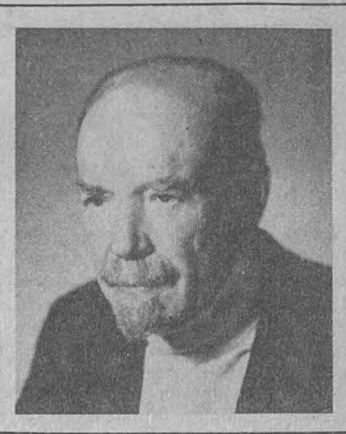

Наш собеседник—писатель Сергей БАРУЗДИН

«Встретимся в правой конюшне, в моем кабинете»,— предложил Сергей Алексеевич Баруздин. Это было такое диковинное соседство слов — «кабинет» и «конюшня». Я даже не сразу сообразил, что речь идет о старинной дворянской усадьбе, унаследованной правлением Союза писателей СССР. Ну, конечно же, знаменитый дом графини Ростовской на Поварской, столь живо описанный Толстым в «Войне и мире»: ограда с каменными столбами и парадный въезд, оглаживающий клумбу. В полукружках крыл слева и справа когда-то и впрямь находились усадьбинские конюшни.

Кривым, изгибающимся коридором я прошел в кабинет главного редактора журнала «Дружба народов». Баруздин устало сидел за большим письменным столом. В помещении, изрядно пропахшем куревом, было холодно и неуютно. Почти безлюден коридор, не слышно людских голосов. А ведь лет двадцать назад, когда однажды я пришел сюда к поэту Ярославу Смелякову, тут и там звучала разговорная речь, у дверей ожидали приема приезжие авторы, то и дело распахивались и закрывались двери, звенели телефоны — была горячая журнальная жизнь. И вот теперь... Две разноликие картины.

И возник первый вопрос к редактору.

— Трудно работать сейчас в журнале с таким названием — «Дружба народов»?

— Да нет, нормально. Огромный тираж — восемьсот тысяч экземпляров. Пока мы еще пожинем плоды прежнего читательского бума.

Допускаю, что когда-то вы видели здесь внешне более оживленную редакционную жизнь. Но ведь тираж-то в ту пору был всего 36 тысяч. Шумно в коридорах, да проку что?

— А я грешным делом подумал: уж не стало ли анахронизмом само понятие, выведенное на обложке вашего журнала? Глядишь, по нынешним временам пристало не «Дружбу народов» издавать, а какие-нибудь «Раздоры». Я не ёрничаю...

— А «Новый мир», «Знамя», «Звезда», «Октябрь» — чем эти названия лучше? Читатель давно уже не воспринимает их как политические клише. Всего лишь имена литературных журналов. Название «Дружба народов» устоялось, и менять его мы не собираемся, несмотря на то, что в межнациональных отношениях жизнь преподнесла и продолжает преподносить уйму печальных, а то и обескураживающих фактов.

— Недавно, подвезкая к Вильнюсу, я увидел на одном из привокзальных зданий лозунг: «Да здравствует дружба народов СССР!» Этот транспарант приняли обсуждать пассажиры вагона. Кто-то острит: «Гостям — для поднятия настроения». Ему вторил: «Саудис» забыл снять». И тогда вмешался грузный, неразговорчивый мужчина, возможно, из местных жителей: «При чем тут «Саудис»? В Литве немало людей, которые не хотят никаких искусственно вбитых клише...»

Будь маром Вильнюс, вы бы распорядились снять этот «застойный» лозунг? К чему он в республике, которая не проявляет интереса даже к разоблачке нового Союзного договора?

— Если бы я и стоял сейчас за какие-то лозунги, то лишь за те, что призывают уважать человека и его мнение, учат слушать другого и поступать так, чтобы слушали тебя. Тут путь к добру. А любые крайние призывы — «Да здравствует Советский Союз!» или «Долой Советский Союз!», «Да здравствует КПСС!» или «Долой КПСС!» — любые лозунги такой категоричности и однозначности — вчерашний день. Не кажется ли вам, что многие стали сейчас эгоцентристами: «я», «моя», «мне»... Никита Богословский предупреждает: если дело так пойдет, то Кара захочет отделиться от Калпани. И того гляди, признаки исторического самосознания породят на территории России племена вятичей да кривичей. Прекрасное движение asleep! Как будто мы — страна с головой, повернутой назад. Или в самом деле происходит разрушение «империи» до самых мелких осколков?

— Убеден, истинное национальное самосознание не может порождать экстремизм, тем более

кровавый. Потому что национальное самосознание — вещь благородная. Без него вообще-то и жить нельзя. А у нас? Мы считаем проявлением национального самосознания, когда один народ начинает бить другой. Дошло до того, что кое-где оскверняют могилы погибших людей — фронтовиков. Нет, тут знаки дремучего бескультурья, а вовсе не того, что имеет какое-то отношение к сознанию. Ни один нормальный человек не посмеет надругаться над могилой другого человека, даже врага. На Бородинском поле и поныне соседствуют могилы русских и французов, противостоявших когда-то в ратном сражении. В Германии жители ухаживают за могилами наших военнопленных...

— Сергей Алексеевич, все эти издержки, тревожные, а порой и кровавые, проявившиеся ныне в национальных отношениях, вы ощущаете на себе как редактор журнала, призванного консолидировать народы и их культуры? Если судить по редакционному «портфелю», по тому, с какой охотой или неохотой идут писатели разных национальностей сюда, на улицу Воровского?

— Возможно, раньше других коллег по «толстым» журналам мы поняли несовершенство межнациональных отношений в стране. Но говорить об этом нам категорически запрещалось. Приведу такой пример. Лет двадцать с лишним назад журнал выступил в защиту латышского праздника Лиго. И через цензуру это каким-то образом просочилось. Мне выслали по первое число: «Зачем пропагандируете реакционный праздник?» Сейчас это звучит смешно. А тогда я вынужден был с серьезной миной оправдываться: Лиго — то же самое, что у русских Иванов день. В ответ: «Нельзя!»

И все же не надо считать, что во всех наслоениях такого порядка виновник один — русский народ. Нелепо делать из него «козла отпущения». Больше всего, на мой взгляд, повинны местные национальные партийные и государственные кадры, воспитанные, по правде говоря, русскими. Оказавшись на влиятельных должностях, боясь, что их обвинят в национализме, они явно забегали вперед. А когда на местах начинали недоумевать или негодовать, кивали на Москву: «Такое указание оттуда». Да никогда из Москвы не шло указаний, сколько в республике оставить школ с обучением на родном языке. Ни в сталинские, ни в хрущевские, ни в брежневские — ни в какие времена.

— Украинский поэт Иван Драч утверждает: были прямые распоряжения Суслова.

— Конкретные указания? Не поверю в это. Чепуха. Да, концепцию об ускоренном слиянии наций, о возникновении некоей «общей» культуры пестовали, ей

симпатизировали, за нее радели, но не могу согласиться, что ее грубо насаждали, угнетая тем самым культуру в республиках. Кто-то из старейших белорусских писателей (кажется, Петрусь Бровка) рассказывал мне, как в конце тридцатых годов в Москве проходила Декада белорусского искусства. И вот в концерте, состоявшемся в Большом театре, на сцену вышла знаменитая певица Александровская. Обратилась к Сталину, к членам Политбюро на отличном русском языке: «Дорогой наш и любимый Иосиф Виссарионович!

яву уничтожаем памятники культуры, предаем забвению все, что неугодно с политической точки зрения. Ликвидируем всеобщую неграмотность — прекрасно, но тут же устраиваем моральное и физическое гонение на религию, впитавшую в себя огромный духовный опыт народа. Не ценим, не дорожим своей интеллигенцией — отсюда массовая эмиграция. Жестоко боремся со всякого рода инакомыслием внутри страны. Да какая культура может устоять при таком «прессинге»? Плюс к этому финансовые «игры»: огромные средства на

поддержку искусства, удобного режиму (часто поспешного, лозунгового), а культура в целом живет по откровенно остаточному принципу. Даже хрущевская «оттепель» тут ничего кардинального не изменила.

— Ну Хрущев отстоит от нас уже на изрядную дистанцию, а как с временами и лидерами, которые поближе?

— Вы хотите услышать, что изменилось с апреля 1985 года? В главном — ничего. Устыдились, признали, что содержат культуру, как и науку, на «остывающей в кармане мелочихи».

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...

— К культуре мы теперь пытаемся подойти с бухгалтерскими счетами. Всюду нам видится прибыль — и от Пушкина, и от Чайковского. Хоздвор, хозспособ, хозрасчет...

— Все, что в мире, да и у нас в самые сложные — сталинские, волонтеристские, застойные — времена существовало на дотации, теперь, по закону рынка, должно самоокупаться. Ну как может самоокупаться опера или живопись? Не понимаю.

— Может быть, надежда на меценатов, частные и общественные субсидии?

— Теперь ничего этого нет, есть спонсоры. Словечко модное, но оно, по-моему, кардинально отличается от понятия «меценат». «Меценат» — благотворительность в подлинном смысле, «спонсор» — деловой человек, который, давая деньги, желает получить эти деньги с прибылью, с какими-то процентами. Так что рассчитывать на то, что нашу культуру поддержат какие-то спонсоры, — по-моему, безумие.

— И к такой оценке вам нечего добавить? Так ли уж...

— Почему нечего? Мы отметили цензуру — и правильно. Вызвали небывалый рост тиражей литературных журналов, удивив этим весь читающий мир. Тоже благо. Ну и, конечно, восстанавливаем «белые пятна» — учимся смотреть на историю трезво и непредвзято.

— Уже смотрим или только учимся?

— Нет, именно учимся и зачастую с досадными издержками. Тут противоречий хоть завбавляй. Боремся с «белыми пятнами» и уже сейчас порождаем новые. Для нынешнего читателя в отечественной словесности уже нет ни Всеволода Иванова, ни Фадеева, ни Федина, ни Симонova. Имена можно множить и множить — и в прозе, и в поэзии. Неужели надо ждать еще одну перестройку, чтобы объективно отразить реальный литературный процесс?

Или возьмите Прибалтику. Сейчас в трех республиках практически вы уже ничего не можете узнать о литературе и искус-

стве последнего пятидесятилетия. Будто и не было этих пятидесяти лет. Ни имен, ни достижений. И все — в угоду нынешним политическим страстям. Возможно, мои слова звучат резковато, но вопрос очень серьезный. Если мы мечтаем когда-нибудь дотянуться до уровня подлинной культуры...